

НЕКРАСОВ

Николай Алексеевич Некрасов родился в 1821 г., в Подольской губернии, где в это время его отец находился на постое. Мать поэта была полька. Впоследствии он создал чуть ли не религиозный культ ее памяти, но та поэтическая и романтическая биография, которой он ее наделил, была почти целиком плодом воображения, а его сыновние чувства при ее жизни не выходили за пределы обычного. Вскоре после рождения сына отец вышел в отставку и поселился в своем маленьком имении в Ярославской губернии. Он был неотесанный и невежественный помещик - охотник, мелкий тиран, грубиян и самодур. С ранних лет Некрасов терпеть не мог отчий дом. Это сделало его деклассированным, хотя он и сохранил до самой смерти многие черты помещика средней руки, в частности, любовь к охоте и крупной игре. В семнадцать лет он, против воли отца, покинул родной дом и уехал в Петербург, где записался экстерном в университет, но из-за отсутствия денег вскоре вынужден был прекратить занятия. Не получая поддержки от отца, он превратился в пролетария и несколько лет прожил впроголодь. В 1840 г. он опубликовал первый сборник стихов, в котором ничто не предвещало его будущего величия. Белинский подверг эти стихи суровой критике. Тогда Некрасов взялся за поденную - литературную и театральную - работу, брался и за издательские предприятия и проявил себя смышленным дельцом. К 1845 году он встал на ноги и фактически был главным издателем молодой литературной школы. Несколько литературных альманахов, им изданных, имели значительный коммерческий успех. В числе их был знаменитый **Петербургский сборник**, впервые напечатанный **Бедных людей** Достоевского, а также несколько зрелых стихотворений самого Некрасова. Он стал близким другом Белинского, который восхищался его новыми стихами не меньше, чем возмущался сборником 1840 г. После смерти Белинского Некрасов создал настоящий культ его, подобный тому, который он создал своей матери. В 1846 г. Некрасов приобрел у Плетнева бывший пушкинский **Современник**, и из захиревшей реликвии, которой сделалось это издание в руках остатков "аристократии", **Современник** превратился в замечательно выгодное дело и самый живой литературный журнал в России. **Современник** выдержал трудные времена реакции и в 1856 г. стал главным органом крайне левых. Он был запрещен в 1866 г., во время правительственной паники, последовавшей за первым покушением на Александра II. Но через два года Некрасов вместе с Салтыковым перекупил **Отечественные Записки** и таким образом оставался редактором и издателем главного радикального журнала до самой своей смерти. Некрасов был гениальным редактором: способность его заполучить самую лучшую литературу и самых лучших людей, писавших на злобу дня, граничила с чудом. Но как издатель это был предприниматель, как говорят иные - неразборчивый в средствах, и как говорят все - жесткий и жадный. Как все тогдашние предприниматели, он не доплачивал своим сотрудникам, пользуясь их бескорытием. Его личная жизнь тоже не отвечала требованиям радикального пуританства. Он постоянно крупно играл. Тратил много денег на свой стол и своих любовниц. Был не чужд снобизма и любил общество людей вышестоящих. Все это, по мнению многих современников, не гармонировало с "гуманным" и демократическим характером его поэзии. Но особенно восстановило всех против него его трусливое поведение накануне закрытия **Современника**, когда для спасения себя и своего журнала он сочинил и прочел публично стихотворение, прославлявшее диктатора графа Муравьева, самого беспощадного и решительного реакционера. Но, хотя Тургенев, Герцен и большинство современников Некрасова ненавидели, радикалы, работавшие у него, им восхищались, любили его безгранично и отпускали ему как простительные личные и даже, более того, общественные прегрешения. Его связь с г-жой Панаевой, героиней его лучших и оригинальнейших любовных стихов, продолжалась около десяти лет и стала одним из самых известных романов в биографиях русских литераторов. Некоторое время Некрасов и Панаевы жили втроем ("ménage à trois") - жоржсандистский либерализм, популярный среди интеллигенции в середине девятнадцатого века. Обоим - и Некрасову, и Панаевой - эта связь доставила гораздо больше страданий, чем радостей. Хронически больной (в результате своей беспорядочной жизни), Некрасов был подвержен длительным приступам меланхолии и депрессии; при этом он страшно страдал и превращал жизнь своих близких в ад. После разрыва с Панаевой Некрасов жил с любовницами, которых содержал, пока незадолго до смерти не женился на простой девушке из народа. В 1875 г. здоровье окончательно ему изменило, и последние два года его жизни превратились в медленную агонию, едва облегчаемую преданной заботой жены. Он умер 27 декабря 1877 г. Похороны его стали самой поразительной демонстрацией популярности, какой когда-либо удостоивался русский писатель.

Но несмотря на его огромную популярность среди радикалов, несмотря на уважение, с которым к нему относились такие противники, как Григорьев и Достоевский, нельзя сказать, что Некрасову при жизни воздавали должное. Даже поклонники восхищались более содержанием его стихов, чем формой, и многие из них считали, что Некрасов пишет нехудожественно, но это неважно, и он великий поэт - потому что содержание важнее формы. Эстеты откровенно терпеть его не могли. По словам Тургенева, "поэзия в его стихах и не ночевала". Может быть, Григорьев со своей глубокой интуицией только один и мог понять истинное величие Некрасова. После смерти Некрасова о его поэзии продолжали судить по-партийному: правые отбрасывали ее целиком, левые хвалили, несмотря на неудачную форму. Только с приходом модернизма был он по-настоящему признан, и его новизна и оригинальность оценены по достоинству. В течение последних десяти-пятнадцати лет не было другой поэтической славы, которая бы так неуклонно росла. Прежде всего это произошло потому, что возросла наша способность понимать "непоэтическую" поэзию. Но дело еще и в том, что Некрасов перестал числиться у радикалов святым (каковым он, разумеется, никогда и не был в том смысле, в каком ими были Белинский, Чернышевский, Добролюбов и Глеб Успенский) и стал более узнаваемым и реальным Некрасовым, сложной, не всегда образцовой, но глубоко человеческой и оригинальной личностью.

Столь сильно отличавшийся от своих современников, во многих отношениях Некрасов разделял с ними недостаток сознательного мастерства и художественной культуры. Характерно, что он вообще не знал, что такое просодия, не знал даже названий стихотворных размеров. Он только смутно, подсознательно знал, чего ищет, и, хотя был великолепным критиком чужих стихов, не умел судить свои собственные. Он тратил свою творческую энергию на далекие ему, неблагодарные сюжеты. Он обладал опасной способностью к версификации, развившейся в те годы, когда он был поставщиком водевилей и рифмованных фельетонов. Многие из того, что он писал даже в зрелые годы, - просто рифмованные статьи, и даже в лучших его стихах (за малым исключением) попадаются лишние вдохновения многословные пассажи. Он, в сущности, восстал против всех условностей поэтического вкуса, всего арсенала "поэтической" поэзии, и смысл его лучших и оригинальнейших произведений именно в том, что он отважно создавал новую поэзию, не скованную традиционными нормами вкуса. Но собственный его творческий вкус был не всегда безошибочен, и, хотя он очень близко подошел к созданию нового, оправдавшего себя стиля (особенно в великолепной сатирической поэме **Кому на Руси жить хорошо?**), он так никогда и не овладел им полностью. Но сила вдохновения, но поэтическая энергия во многих, даже не лучших стихах его так велика, что приходится принимать случайные ляпсусы как элементы целого. По оригинальности и поэтической энергии Некрасов занимает одно из первых мест среди русских поэтов и даже сравнение с Державиным ему не страшно.

Главная тема некрасовской поэзии, по его собственному выражению, - "страдания народа". Но его вдохновение в выборе темы гражданское, в разработке ее становится субъективным и личным, а не общественным.

За исключением тех стихотворений, где он больше всего приближается к духу народной песни и таким образом освобождается от слишком личного, стихи его, его поэзия всегда личная, он никогда не высказывается от имени группы. Общественные пороки современной ему России для Некрасова не столько объективный факт, сколько мучительное личное переживание. Его социальная поэзия рождена муками глубокой, жестоко истерзанной чувствительности. Можно сказать, что у Некрасова был комплекс "социального сострадания". Именно сострадание (страдание вместе с другими), а не жалость (снисхождение к чужому страданию) одушевляет поэзию Некрасова. При всей политической серьезности и искренности его демократических чувств, с точки зрения психологии "страдания народа" были для него эманацией, символом его собственных страданий - от бедности, от болезни, от уныния, от мучений совести. Ему была свойственна необыкновенная мощь идеализации; потребность создавать богов была одной из наиболее сильных его потребностей. Главным из этих богов был русский народ; за ним идут такие же идеализированные и субъективизированные мифы о матери и о Белинском. Его идеализированное представление о народе, разумеется, тяготеет к сентиментальности, и ему не всегда удавалось избежать этой волчьей ямы, но в лучших вещах, которых у него много, всякий намек на сентиментальность очищается в жарком огне его поэтической энергии и поэтической искренности. Разговоры о вкусе и красоте формы совершенно неуместны в

присутствии стихийного творчества, создавшего, например, такие реалистически-мифологические поэмы как **Мороз Красный нос**. Но у Некрасова народ не только объект сострадания и поклонения. Он и шутит, и смеется вместе с ним, так же как вместе с ним страдает, и из всех русских поэтов девятнадцатого века он единственный был по-настоящему творчески близок к духу народной песни; он не имитировал ее: просто у него была душа народного певца.

Все творчество Некрасова можно разделить на две части: ту, где он пользуется формами, обусловленными (пусть и с отрицательным знаком) предыдущим развитием литературной поэзии, - и ту, где он работает в духе народной песни. В целом можно сказать, что в первой он субъективен, а во второй объективен и безличен. Эти аспекты очень разнятся, но именно их комбинация создает его неповторимую поэтическую индивидуальность. Первая, традиционно литературная часть гораздо более неровная, чем вторая. Нижний слой ее переходит в совершенно механическую и нехудожественную версификацию, которой он занимался в сороковые годы и которой так никогда и не оставил. Многие из того, что особенно ценилось современниками за гражданское и гуманистическое содержание, сегодня кажется негативной частью некрасовского наследия. Нам нелегко, к примеру, открыть какие-нибудь достоинства в написанном без вдохновения механическом переложении воспоминаний княгини Волконской, жены декабриста (**Русские женщины**, 1867), в поэме, которую старшее поколение считало некрасовским шедевром. С другой стороны его иронические и сатирические стихи, вероятно, нравятся нам больше, чем нашим отцам и дедам. Едкий, злой и сжатый сарказм такой крепкой вещи, как **Вор**, ставит Некрасова в первый ряд величайших сатириков мира. В большинстве случаев его гневные риторические инвективы выиграли от времени больше, чем потерял остальной Некрасов. Я, во всяком случае, думаю, что такие поэмы, как элегия **Родина**, являются вершиной русской поэзии и оставляют поэтические инвективы Лермонтова далеко позади. Другая группа некрасовских стихов, выигравшая от времени, - его замечательно оригинальная любовная лирика: неподслащенный, несентиментальный, пронзительный, страстный и трагический рассказ о любви, которая приносит любящим больше страдания, чем радости. Наконец, среди самых ранних его стихов (1846) находится то, поистине бессмертное стихотворение, которое столь многие (среди них Григорьев и Розанов) прочувствовали и осознали как нечто большее, чем стихи, - стихотворение о трагической любви на краю голодной смерти и морального падения - начинающееся словами "Еду ли ночью по улице темной". То же напряжение и сила ощущаются в стихотворениях, написанных во время последней болезни (**Последние песни**).

Об его объективной повествовательной поэме **Саша** (1854), за которую его обвиняли в плагиате тургеневского **Рудина** еще до того, как он был напечатан у него в журнале, можно сказать, что это попытка создания проблемного рассказа в стихах, и, несмотря на имеющиеся там прекрасные места, она выглядит жалко в сравнении с романами Тургенева. Гораздо интереснее его многочисленные короткие и драматические стихотворения из крестьянской жизни. С одного из них (**В дороге**, 1847) начался его творческий путь. Некоторые из ранних стихотворений написаны в явно романтическом тоне (**Огородник**). Одно из самых знаменитых - **Влас** (1854), стихотворение, в котором Некрасов доказал свое сочувствие не только страданиям народа, но и его религиозным идеалам. Самая масштабная из его поэм (не в стиле народных песен) - величественный и статуарный **Мороз Красный нос** (1863), с его мифологической идеализацией русской крестьянки и широкими панорамами молчаливого, скованного морозом леса.

В своей народно-песенной поэзии Некрасов уходит от своего *moi haïssable* (ненавистного "я"), освобождается от мучительной одержимости страданием и становится поэтом, выражающим сверхиндивидуальное. Это заметно уже в его стихах для детей, особенно в прелестном **Генерале Топтыгине** (где запуганный почтмейстер принимает ученого медведя за разгневанного генерала). Но характернее всего самая певучая некрасовская поэма **Коробейники** (1863), история по сути трагическая, но рассказанная в здоровом и мощном мажорном ключе. Начало поэмы присвоено народом как народная песня. Из всей русской книжной поэзии это, пожалуй, самый популярный отрывок. Но в той же поэме звенит совершенно иная, странная нота - **Песня странника** - одна из самых сильных и оригинальных у Некрасова. Это из тех поэм, которые (по словам Синга, так часто применимым к Некрасову) человечны потому, что грубы.

Величайшее достижение Некрасова в стиле народной песни, а, может быть, и вообще, это большая реалистическая сатира **Кому на Руси жить хорошо?**, над которой он работал в семидесятые годы. Поэма рассказывает, как семь мужиков для того, чтобы решить вопрос, кому на Руси хорошо живется, пошли по стране. Они встречаются представителей разных классов общества: помещика, священника, крестьянку и т. д. Им рассказывают истории о нравственных подвигах, о героизме, о преступлениях, и поэма кончается на ноте радостной уверенности в будущем народа, которому поможет новая демократическая интеллигенция. Стиль поэмы совершенно оригинальный, изумительно характерный и крепкий. Поэт ни разу не позволяет себе впасть в свои обычные субъективные стенания и ведет рассказ в тоне добродушной, но острой сатиры в народном духе, с многими сценами, выдержанными в тонах простого и здорового реализма, куда порой, когда речь заходит о добродетелях сильного русского мужика, вторгается героическая нота. Исполненная замечательной словесной выразительности, энергии и разнообразных находок, поэма эта принадлежит к самым оригинальным произведениям русской поэзии XIX столетия.